

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

ГЛАВА 4*

НОВАЯ ЛАБОРАТОРИЯ,
НОВЫЙ ОТДЕЛ

В начале 1963 года я в основном занимался созданием лаборатории, разработкой её перспективной тематики и формированием научного коллектива. Эта последняя задача была наиболее трудной. Предусмотренный проектом института штат лаборатории молекулярной радиобиологии включал в перспективе двух старших и шесть младших научных сотрудников, инженера, лаборантов и аспирантов. Заполнение этих вакансий предполагалось постепенным, растянутым на два–три года. Первые вакансии лаборантов были обеспечены распределением двух девушек-медсестёр, Гали и Тамары, закончивших Калужское медицинское училище. Затем я согласился на рекомендованного мне инженера Андрея Стрекалова, он, в дополнение к техническим талантам, оказался также и прекрасным фотографом. Объявления о вакансиях научных сотрудников публиковались дирекцией института в местной обнинской газете и в союзной газете «Медицинский работник». Однако заявлений из Москвы или из Ленинграда, которые предполагалось «разгружать» от избытка учёных, почти не поступало. В институт присылали заявления из Ташкента, Уфы, Баку и из других городов, даже из Хабаровска. Было очевидно, что близость Обнинска к Москве была решающим фактором для специалистов из далёких от Москвы городов, но не для москвичей.

Первого научного сотрудника мне также прислали по распределению из выпускников Второго московского медицинского института. Однако отдел кадров ИМР, которым руководила очень энергичная женщина в чине подполковника КГБ в отставке, бывший начальник женского лагеря заключённых на Колыме, не утвердил это назначение. Для зачисления в штат института требовался медицинский осмотр. У молодого выпускника медвуза оказался диабет. С этим диагнозом в институт радиоло-

гии и в любой другой институт, в котором велись работы с радиоизотопами и излучениями, приём сотрудников был запрещён. Гормональные синдромы относились к профессиональным заболеваниям учреждений этого профиля. Первым научным сотрудником, которого я принял, была Оля К., приехавшая с мужем из Сухуми. Её муж Анатолий, кандидат медицинских наук, был зачислен в клинический сектор института. Оля, биолог, уже разрабатывала собственную тему, которую было легко включить и в работу нашего отдела.

В экспериментальном секторе института одновременно с моей лабораторией формировались и другие. Николай Викторович Лучник, известный открытием пострадиационного восстановления у растений, работавший в Уральском филиале АН СССР вместе с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, возглавил отдел биофизики. Профессор А. А. Войткевич, крупный учёный и автор монографии «Перо птицы», приехавший из Киева, формировал лабораторию радиационной патоморфологии. Профессор И. А. Ойвин, в недавнем прошлом заведующий кафедрой в Ташкентском медицинском институте, создавал отдел радиационной патофизиологии. Мой студенческий друг Виктор Гуляев, ученик П. М. Жуковского и талантливый микробиолог, ботаник и цитолог, приехал в Обнинск из Ленинграда, чтобы создавать здесь лабораторию электронной микроскопии. Два инженера этой лаборатории были в недавнем прошлом бортмеханиками бомбардировщиков.

Институт формировался по принципу «с бору по сосенке». Но другого варианта не могло быть. Радиология и радиобиология были для СССР новыми дисциплинами. Задерживалось лишь утверждение в должности заведующего отделом радиационной генетики Тимофеева-Ресовского, безусловно, именно потому, что он был всемирно известным учёным. Тот факт, что он был бывшим заключённым, причём не реабилитированным, не имел главного значения. Директор института Г. А. Зедгенидзе, приглашая его, знал об этом. Он помнил своё посещение лаборатории радиационной генетики Тимофеева-Ресовского в при-

городе Берлина в 1945 году. «У него был такой прибор, который регистрировал мутации зажиганием лампочки», — рассказывал он с восхищением. Николай Лучник также был нереабилитированным бывшим заключённым. Утверждение Тимофеева-Ресовского на работу в Обнинске требовало не только согласия Калужского обкома КПСС, но и каких-то отделов в КГБ и в ЦК КПСС.

Обнинск, где все другие институты, кроме нашего, были секретными, считался «режимным» городом, который был запрещён для посещения иностранными гражданами. Свердловск, где Тимофеев-Ресовский работал и в период заключения, и после освобождения, был в той же категории «режимных» городов. Но в Свердловск нельзя было приехать на пригородной московской электричке или даже на такси. В госбезопасности, очевидно, боялись того, что известные иностранные учёные, приезжающие в Москву, будут стремиться повидать и Тимофеева-Ресовского. Классическая генетика, которую теперь называли «формальной», была в 1963 году ещё под запретом, и сторонники Лысенко по-прежнему занимали ключевые позиции в ЦК КПСС и в Министерстве высшего образования. Они безусловно не хотели, чтобы Тимофеев-Ресовский, лекции которого уже были знаменитыми, обосновался в такой близости от Москвы.

Сам Тимофеев-Ресовский несколько раз в 1963 году приезжал в Обнинск и обсуждал текущие дела с Корогодиным и мною. Весь отдел занимал длинный коридор второго этажа лабораторного корпуса. Справа по фасаду была моя лаборатория, слева — Корогодина. Среднюю часть, десять больших комнат, занимала лаборатория радиационной генетики. Один из учеников Тимофеева-Ресовского по проблемам радиационной экологии Анатолий Тюрюканов, работавший в Институте общей гигиены в Москве, был уже зачислен на должность старшего научного сотрудника в эту лабораторию в начале 1963 года. Он теперь занимался её оборудованием и принял на работу нескольких лаборантов. Вскоре стали приезжать из Свердловска и другие ученики Николая Владимировича.

*Продолжение. Начало см. Родина. 2011. № 1, 5–6, 11–12.

Для Тимофеева-Ресовского был готов кабинет с телефоном, имевшим «московский» номер. Приезжая в Обнинск, наш будущий завотделом любил походить по длинному коридору, а потом приглашал Корогодина, Тюрюканова и меня к себе в кабинет «попить чайку». Чай готовила на всех его жена Елена Александровна, тоже генетик. Для неё резервировалась должность младшего научного сотрудника, хотя и по опыту, и по числу публикаций она превосходила всех старших сотрудников нашего института. Но «семейственность» в советских институтах не поощрялась. Тимофеев-Ресовский, конечно, понимал причины трудностей своего утверждения в должности, но относился к этому спокойно, даже с юмором. Другого завотделом найти было бы всё равно невозможно.

В один из своих приездов в Обнинск — кажется, это было в июне 1963 года — Николай Владимирович пригласил Корогодина, Тюрюканова и меня в свой кабинет. «Серьёзная проблема, — сказал он, — мне в лабораторию зачислят старшего научного сотрудника, которого я не знаю. Он не генетик... Звонил Зедгенидзе и сказал, что это директива. В отделе нет ни одного члена партии, а парторг обязателен при нашем числе сотрудников... Калужский обком не утвердит отдел, если не будет парторга... Наверное, нужно согласиться». После этих слов Тимофеев-Ресовский дал нам прочитать справку-резюме на нового сотрудника, которую доставили с курьером из отдела кадров: «Б. родился в Тамбовской области... Окончил Второй Московский медицинский институт... Защитил кандидатскую диссертацию по восстановительным процессам в тонком кишечнике. Учёный секретарь и заведующий лабораторией в Институте экспериментальной патологии...» Корогодина и я не имели возражений. Было понятно, что к Тимофееву-Ресовскому должны были «прикрепить» члена КПСС. Это понимал и директор института, решение принималось где-то выше него.

Лично я не был уверен, что это назначение было связано только с необходимостью иметь парторга отдела. Этика научного сотрудника не должна была позволить Б., не имевшему квалификации генетика или радиобиолога, «внедряться» в уже сплочённую группу Тимофеева-Ресовского без встречи и беседы с ним самим. Следовательно, он не был только научным сотрудником. Ему тоже давали какие-то гарантии. Он уже работал над докторской диссертацией по регенерации и имел по этой проблеме немало публикаций. Эти «жертвы» были в будущем щедро компенсированы. Но

нельзя было исключить и возможности того, что назначение было зачислением «резервного» заведующего отделом на случай окончательного отвода Тимофеева-Ресовского. Б. приехал в Обнинск и приступил к работе очень быстро. Николай Владимирович ждал своего утверждения ещё год. Его переезд в Обнинск состоялся лишь в 1964 году.

НАУКА ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Весной 1963 года я наметил основные направления исследований лаборатории. Общая тема формулировалась как сравнительный генетический и молекулярный анализ нормального и радиационного старения. Конкретной проверке следовало подвергнуть популярную в это время теорию накопления соматических мутаций в клетках тканей и органов как главной причины старения. Мои собственные разработки об ошибках синтеза белков и нуклеиновых кислот как первичных факторах накопления возрастных изменений не противоречили теории соматических мутаций. Старение — это в конечном счёте накопление изменений на всех уровнях, молекулярном, клеточном, тканевом, физиологическом и т. д., и объяснить его какой-либо одной теорией невозможно.

Облучение, вызывающее изменения генетического аппарата в зародышевых клетках, ведёт к наследственным изменениям в следующих поколениях, из которых формируется популяция. Эти популяционные изменения в течение многих лет были предметом исследований Тимофеева-Ресовского. Главным объектом для его опытов была дрозофила, а в прошлом и божья коровка. В Обнинске он планировал включить в исследования и растительный объект — арабидопсис (*Arabidopsis thaliana*), небольшое цветковое растение с очень коротким вегетационным периодом и легко выращиваемое под лампами дневного света в лабораторных условиях. (Следует здесь подчеркнуть, что человеческое общество — это тоже генетическая популяция, которая подчиняется законам природы. Однако в классической генетике, признающей существование генов, с 1930-х годов прошлого столетия сложились два направления, одно из которых утверждало, что у людей уже не происходит естественный отбор и в этом случае на формирование личности действуют лишь социальные условия, а не генетические факторы. В Советском Союзе эту концепцию поддерживал в основном академик Н. П. Дубинин. Она была популярной и в США, где 20–30 лет назад было бы невозможно изучать генетическое

разнообразие в человеческих популяциях. В настоящее время, когда геномы человека и многих животных и растений уже расшифрованы, популяционная генетика человека стала доминирующей.)

В качестве белков для изучения я выбрал белки клеточных ядер — гистоны. Это низкомолекулярные щелочные белки, которые связаны в комплексах с ДНК и играют роль регуляторов для избирательного выражения генетической информации в разных тканях. Опыты предполагалось проводить на линейных мышках. Однако виварий института пока ещё строился. Завозить животных можно было лишь в 1964 году. Поэтому первые опыты я начал с лягушками. Мы создали два небольших водоёма, в которых облучённые и контрольные икринки лягушек проходили все стадии развития — от головастиков до молодых лягушат. Лягушки растут в течение всей своей жизни, и поэтому их размер пропорционален возрасту. Профессор Войткевич, опытный зоолог и натуралист, приглашал меня на свои экскурсии по болотистым окраинам города. Здесь мы вылавливали самок со зрелой икрой и лягушек всех размеров и собирали уже отложенную икру. Облучение икринок или лягушек проводилось «кобальтовой пушкой». Для меня главное было начать работу с животными объектами. По «лягушачьей» внеплановой тематике появились в последующем лишь две публикации — о способности сохраняющих ядра эритроцитов земноводных к синтезу белков и нуклеиновых кислот.

Летом 1963 года мне позвонил приятель, профессор Г., работавший в одном из институтов АН СССР, и рекомендовал принять на работу в лабораторию молодого способного биохимика С., который заканчивал аспирантуру, но не смог пока написать диссертацию. Задержка была вызвана годичной командировкой в США, не имевшей прямого отношения к теме диссертации. С., энергичный и приятный молодой человек, приехал в Обнинск уже на следующий день. Я с ним поговорил около двух часов, но решения не принял. Проблема состояла в том, что ему нужно было ещё года два работать по теме своей диссертации, руководителем которой был профессор Ленинградского университета. Тема диссертации была посвящена изучению какого-то редкого пигмента у мутанта дрожжевой клетки. Ни меня, ни наш отдел, ни ИМП в целом эта тема не интересовала. Гарантий на то, что С. останется в институте после защиты и переключится на радиобиологию, не было. Но молодой биохимик мне понравился, и вакансии были. Однако

долго раздумывать не пришлось. В тот же день С. был принят директором института и зачислен приказом в штат моей лаборатории. Через несколько дней ему была выделена квартира, и он поселился в Обнинске со своей женой. Английский язык с американским выговором он знал блестяще, и его часто приглашали в Москву для обеспечения синхронного перевода лекций каких-либо европейских или американских учёных, которых он нередко и сопровождал. «Необходимо прирабатывать», — объяснял он мне эти отлучки. Зарплата младшего научного сотрудника без учёной степени была действительно очень маленькой.

КНИЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Между тем моя книга «Синтез белков и проблемы онтогенеза» успешно прошла все стадии общего и научного редактирования. В последнем варианте рукописи я учёл замечания рецензента В. Н. Никитина и добавил в главу о наследственности раздел «Дискуссия вокруг генетических функций ДНК», в котором вкратце излагал взгляды Лысенко и его сторонников и их попытки объяснить возможность наследования приобретённых признаков. Моя рукопись пошла «в набор» в самом конце 1962 года, и с января 1963 года я уже мог читать и править вёрстку-корректуру. Однако это ещё не было успехом. Раньше цензура (Главлит) проверяла всё дважды — в стадии рукописи и в стадии набранной вёрстки. С 1961 года для сдачи «в набор» нужна была лишь виза редактора. Объём печатных произведений сильно увеличился, и Главлиту оставили лишь подпись «в печать». Вёрстка, которую разрешено править и дополнять, не считалась прошедшей цензуру работой и готовилась лишь в трёх экземплярах: один — для автора, второй — для научного редактора и третий — для корректора издательства. После внесения в вёрстку всех исправлений автора, редактора и корректора, она снова шла в типографию, где печатались четыре экземпляра уже чистой вёрстки, которую называли «сверкой». Три экземпляра сверки раздавались тем же людям, а четвёртый шёл в Главлит, где его читал цензор. Для книги размера моей на эту стадию отводилось не больше двух-трёх недель. Резолюцию «в печать» ставили сначала автор, затем научный редактор и главный редактор издательства или директор. Последним ставил свою подпись цензор, официально именуемый как «редактор Главлита». После этого типография могла печатать весь тираж.

Мои опасения о возможной задержке книги цензурой, к счастью, не оправдались. Книга прошла цензуру сравнительно легко. Цензор по медицинской литературе, по-видимому, уже не имел инструкций, запрещавших генетическую терминологию. В апреле 1963 года цензор Главлита поставил свою подпись и Московская типография № 5 начала печатать тираж. Он был по тем временам небольшим, всего 4 тысячи экземпляров. Печатали книгу к тому же на плохой бумаге. По какой-то неизвестной мне причине был перебой с поставками бумаги из Финляндии, и всем издательствам приходилось сокращать тиражи. Но для меня небольшой тираж ускорял все процессы, и я быстро стал получать «чистые листы», готовую книгу, но ещё без переплета. Переплёт делали отдельно, и затем шла «брошюровка», изготовление окончательной книги. Хотя том был достаточно большим, 431 страница крупного формата, книга готовилась без суперобложки. «Чистые листы» автор и научный редактор получали в полную собственность и уже не должны были их возвращать. В выходных данных на последней странице стоял и гриф Главлита, в моём случае это был знак «Т-03201».

Однако и это ещё не было полной победой. Тираж, находившийся в типографии, требовал визу «в свет» от той же четвёрки. 14 мая эта виза появилась на двух сигнальных экземплярах, и тираж перешёл в собственность производственного отдела издательства, который отправлял большую часть в Книготорг для рассылки по книжным магазинам и в Книжный коллектор для рассылки по библиотекам. Небольшая часть тиража отправлялась в Книжную палату СССР, где проводилась библиографическая обработка всех печатных произведений в СССР. Какое-то число экземпляров шло в агентство «Международная книга», которое выполняло заказы из-за рубежа. Около 30–40 экземпляров любой книги из первых сброшюрованных в типографии экземпляров отправлялось «в разноску», должностным лицам разного уровня. Эти партийные и государственные чиновники могли считать получаемые книги своей собственностью. Однако каждый из них обладал правом добровольного цензора. Но время их цензорских полномочий ограничивалось производственным процессом. Когда он полностью закончен, книга уходила «в свет» и процесс приобретал необратимый характер. Если тираж большой, например 100 тысяч экземпляров, то типография может работать с ним около месяца. При четырёх тысячах угрозы от «разноски» (она так

называется потому, что эти экземпляры действительно разносят по адресатам курьеры из типографий) продолжают не дольше 7 или 10 дней. 20 мая я узнал, что моя книга пошла в Книготорг, в Книжный коллектор и в Книжную палату. Очередной выпуск еженедельника этой палаты «Новые книги» анонсировал и «Биосинтез белков...».

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС

Утром 25 мая 1963 года мне в Обнинск позвонили из «Медгиза» и попросили срочно привезти в издательство «чистые листы» книги. Я понял, что случилось что-то непредвиденное, и не стал спрашивать объяснений. Оставив «чистые листы» дома, я поехал сначала к научному редактору, профессору В. С. Шапоту, работавшему в Институте медицинской химии. Он мне сказал, что его также просили вернуть «чистые листы», не объяснив причины. Я взял у него папку с этими «листами», сказав, что еду в издательство. Второй экземпляр книги мог пригодиться. После этого я поехал не в редакцию, а в отдел реализации «Медгиза», куда должен был поступить тираж из типографии. Отсюда тиражи отправляют в Книготорг, в Коллектор библиотек и в другие сети. В отделе реализации мне объяснили, что весь тираж был развезён по спискам три дня назад. Было оставлено лишь 10 экземпляров для автора, которые полагались ему по договору. Однако 24 мая приехал курьер из издательства и взял все авторские экземпляры «для исправлений». Было очевидно, что поступил какой-то серьёзный звонок из «разноски». В литературных издательствах и в массовых журналах звонки из «разноски» — это нередкое явление. Однако для издательства медицинской литературы подобных случаев давно не было. Мою книгу мог спасти теперь её малый тираж.

В обязательную «разноску» были включены центральная комитора Главлита, Госплан, Совет министров, КГБ и ЦК КПСС. Для книг «Медгиза» в список для «разноски» попадали министр здравоохранения и его заместители, президенты АН и АМН СССР. Как я узнал позже, наибольшее число «сигнальных» экземпляров, около десяти, поступало в аппарат ЦК КПСС.

Поскольку Книготорг фиксировал «дату выхода» книг определённым числом, то первые партии книг, по ранее поступившим заказам, отправлялись в отдалённые места, начиная с Сибири и Дальнего Востока. По такой же схеме действовал и Центральный коллектор научных библиотек, распределявший

книги по заявкам республиканских и областных библиотек. Сюда я и поехал в первую очередь. В зале старинного здания на Петровке лежали груды книг, и сотрудники коллектора вели их разборку. Я с трудом нашёл небольшой сектор медицинской литературы. Сотрудник коллектора рассказал мне, что они получили три дня назад 400 экземпляров книги «Синтез белков и проблемы онтогенеза» и начали обработку партии по заказам на следующий день. Однако вчера в коллектор приехал представитель издательства и, тщательно пересчитав все экземпляры, увёз их на грузовике.

Я сразу поехал в Книготорг, центральная контора которого находилась на Ленинском проспекте. Сотрудник, ведавший медицинской литературой, сам был в недоумении. «Что вы там написали, что нам звонят из ЦК?» — спросил он. Как оказалось из объяснений, на первый звонок из ЦК КПСС в Книготорге ответили, что книги у них уже нет, её отправили по заказам облкниготоргов. Здесь работали явно быстрее, чем в коллекторе. После этого директору Книготорга позвонил заведующий отделом печати Идеологической комиссии ЦК КПСС и распорядился собрать и задержать тираж моей книги. Ответственный сотрудник Книготорга вместе с заведующим отдела реализации «Медгиза» отправились на станцию Москва-Товарная со списком развёрстки книги по областям и союзным республикам. Здесь они проработали почти весь день, снимая пломбы с товарных вагонов и выискивая возвращаемую книгу. Иногда это были, наверное, лишь несколько экземпляров на вагон, нагруженный пакетами книг из разных издательств. Работа всего Книготорга была парализована на несколько часов. Но собрать всё не удалось. Около 20 партий книги уже убыли из Москвы в отдалённые области Советского Союза. В этих партиях было около 1000 экземпляров, почти четверть тиража. Во все эти областные книготорги были посланы телеграммы. Предписывалось «под личную ответственность» начальников облкниготоргов по получении книги Медведева вернуть её в Москву на центральную базу «для внесения исправлений». Выход книги в торговую сеть был заблокирован.

НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

На следующий день я снова приехал в Москву и пришёл в издательство для беседы с главным редактором Г. Е. Островерховым. Он относился к моей книге очень хорошо и был сам сильно огорчён возникшими проблемами. По его словам,

на очередном заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС заместитель её председателя тов. Снастин заявил, что «Медгиз» напечатал книгу, порочащую передовую мичуринскую биологию. Он характеризовал это как «идеологическую диверсию». В Идеологическую комиссию по этому вопросу обратились секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству В. И. Поляков и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК А. А. Утехин. Давать прямые команды «Медгизу» они не могли. Что произойдёт с книгой дальше, Островерхов не знал.

Поляков и Утехин попали в ЦК КПСС благодаря Лысенко. Они оба были сотрудниками Лысенко в его Одесском институте селекции и занимались в 1935–1937 годах практическим внедрением разработанного Лысенко агроприёма яровизации, состоящего в выдерживании намоченных семян пшеницы на холоду перед их высевом. По теории Лысенко, это могло ускорить созревание растений и увеличить урожай. От агроприёма вскоре отказались из-за трудностей посева сеянками набухших и начинавших прорастать семян. Поляков в 1946 году был назначен Главным редактором газеты «Социалистическое земледелие», которая под его руководством стала рупором для Лысенко. Я объяснил Островерхову эти подробности, предположив также, что арестом тиража книги дело, наверное, не ограничится. Её попытаются отправить в макулатуру. Островерхов объяснил, что издательство уже не контролирует процессы, они перешли на более высокий уровень.

Попытка ликвидации моей книги «Биосинтез белков...», как я понимал, была связана с циркуляцией в самиздате моей рукописи «Биологическая наука и культ личности», которая продолжалась уже больше года. Островерхов о ней не знал, но Утехин и Поляков безусловно знали. Для них было важно не просто ликвидировать мою совершенно для них не опасную книгу, а предотвратить повышение авторитета и статуса «клеветника» Медведева в результате публикации им большой научной монографии. На июнь 1963 года намечалось проведение в Москве специального идеологического пленума ЦК КПСС, и происходили попытки включить в доклад секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичёва тезис об идеологической реакционности менделизма-морганизма. Именно поэтому конфликт по поводу монографии, посвящённой синтезу белка и процессам старения, имевшей очень малый тираж, выходил на высший уровень.

27 мая Поляков позвонил министру здравоохранения СССР С. В. Курашову

и потребовал от него принятия мер по изъятию моей книги и уничтожению её тиража. Для Курашова проблема была неожиданной, и он немедленно вызвал к себе президента Академии медицинских наук Н. Н. Блохина, вице-президента В. В. Парина и своего заместителя генерал-лейтенанта А. И. Бурназяна, который по линии министерства отвечал за работу «Медгиза» и Института медицинской радиологии в Обнинске. Бурназян был также начальником Третьего управления Минздрава, которое обеспечивало медицинские службы засекреченных «атомных», «ракетных» и «космических» городов. Большая часть медицинских служб в Обнинске также входила в эту элитную систему. Курашов попросил Блохина, Парина и Бурназяна срочно просмотреть книгу Медведева и доложить свои соображения на следующий день. Уже утром 28 мая вся группа собралась снова. Блохин сообщил Курашову, что ни он, ни Парин не видят оснований для уничтожения книги. Они считают, что содержащаяся в книге критика теорий Лысенко дана в корректной академической форме и не выходит за пределы допустимой научной дискуссии. Курашов к этому времени и сам в этом убедился. Ему приходилось заниматься вопросами возрождения в СССР медицинской генетики. Проблемы, podobные моей, возникали для Курашова и Блохина при издании Большой Советской и Медицинской энциклопедий и решались в пользу классической генетики. Мичуринская биология исчезала из медицины.

Ещё через день Поляков снова позвонил Курашову и просил сообщить о принятых мерах. Курашов ответил, что министерство и АМН СССР не видят оснований для уничтожения тиража научной книги. Курашов напрямую Полякову не подчинялся. Идеологическая комиссия ЦК КПСС также не имела полномочий давать Минздраву какие-то директивы. Тираж книги — это материальная ценность. Книготорг и Коллектор библиотек уже перечислили за неё деньги издательству. При уничтожении книг, что время от времени неизбежно происходило, иногда с массовыми учебниками для школ и вузов, составлялись акты о списании и выявлялись виновные, которые компенсируют убытки Книготорга и Коллектора. В данном случае виновной стороной могло быть лишь издательство, и приказ о ликвидации тиража должен был подписывать министр здравоохранения. ЦК КПСС — это директивная, а не исполнительная инстанция.

Продолжение следует